

**Эмма Файсаловна
ШАМСУМОВА,**

доцент кафедры истории
государства и права
Уральского
государственного
юридического
университета,
кандидат юридических
наук, доцент
emmanuel@mail.ru
620034, Россия,
г. Екатеринбург,
ул. Колмогорова, д. 54

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ПОЧЕРКОВЕДЕНИЯ КАК НАУКИ (XV — КОНЕЦ XIX В.)

Аннотация. В настоящее время значительное число публикаций посвящено исследованию почерковедения, в том числе с историко-правовых позиций, однако это не исчерпывает дискуссий по целому ряду вопросов. В их числе — определение науковедческих линий, периодизация становления почерковедческой практики, основанная на конкретных юридических спорах. В статье показано, когда и кем были предприняты попытки определения места почерковедения в системе знания. Целью предпринятой работы, кроме прочего, является попытка объективно оценить то, что определение и восприятие почерковедения как науки столь же важно, как и понимание почерковедения как вида деятельности, ибо научная составляющая служит прогрессу в развитии необходимых техник и технологий в почерковедении.

Ключевые слова: почерковедение, почерк, наука почерковедение, «спичение» письма, подделка документов, история почерковедения, судебная практика, юридическое оформление, наука, судебный процесс.

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.81.5.068-077

EMMA F. SHAMSUMOVA,

Associate Professor, Department of History of State and Law
of the Ural State Law University,
Cand. Sci. (Law), Associate Professor
emmanuel@mail.ru
54, ul. Kolmogorov, Yekaterinburg, Russia, 620034

ON THE FORMATION OF GRAPHOLOGY AS A SCIENCE (15TH — LATE 19TH CENTURIES)

Abstract. Currently, there are a significant number of publications devoted to the study of handwriting, including from historical and legal positions, but this does not exhaust discussions on a number of issues. Among them—the definition of scientific lines, the periodization of the formation of handwriting practice, based on specific legal disputes. The article shows when and by whom attempts were made to determine the place of handwriting in the system of knowledge. The purpose of this work, among other things, is an attempt to objectively assess the fact that the definition and perception of handwriting as a science is just as important as the understanding of handwriting as an activity, because the scientific component will serve to progress in the development of the necessary techniques and technologies in handwriting.

Keywords: *handwriting, handwriting, science handwriting, "comparison" of letters, forgery of documents, history of handwriting, judicial practice, legal registration, science, trial.*

В настоящее время все отношения и в нашем государстве, и в мире устроены таким образом, что существуют области финансируемые и «самодостаточные», т.е. обеспечивающие сами себя. При этом такое направление, как научное, относится к первой области и становится довольно популярным, что небезосновательно, поскольку именно выработанные наукой методы и технологии способны определять направления совершенствования конкретного вида деятельности.

Весьма неоднозначной видится позиция, сводящаяся к отсутствию в современных исследованиях интерпретации почерковедения как науки. Коллеги, юристы-криминалисты, чаще анализируют вопросы о предмете, объекте, месте в системе криминалистического знания, нежели о научном обосновании. При этом научные знания необходимы для верной дифференциации тех же видов экспертиз, проводимых в отношении одного объекта: «Рукописная подпись может являться непосредственным объектом исследования судебно-почерковедческой, судебно-технической экспертизы или их комплекса, а также комплексной судебно-почерковедческой, судебно-технической и компьютерно-технической экспертизы»¹.

Обращаясь к современной специальной литературе по криминалистике, невольно обнаруживаешь многообразие интерпретаций понятийного аппарата «почерковедения», содержания его предмета, определения места в структуре криминалистики и криминалистической технике. Д. С. Коровкин и Н. В. Чернушенко отмечают, что без должного углубленного изучения остались вопросы, связанные с теоретическими положениями судебного почерковедения и исследованиями измененных почерков². Примечательно то, что формулировка «почерковедение как наука» при этом не встречается, в отличие от графологии (близкой к почерковедению).

Однако, на наш скромный взгляд, если познание есть процесс исторически прогрессирующего явления, в основе которого лежит общественная, историческая, юридическая практика, то оно претендует на результат, т.е. на знание, формирующее научную составляющую. Прикладные науки могут развиваться только на практике, которая не может быть беспочвенной, поэтому необходимо установить те научные закономерности, которые убедительно доказывают связь письма — почерка с его субъектом.

В процессе становления почерковедения письмо имеет (и имело) значение лишь тогда, когда оно обличено в форму юридического документа (акта, договора, завещания) и связано необходимостью его исследования по факту подделки

¹ Жижина М. В. Тактико-методические основы следственного осмотра и назначения экспертизы в отношении документа на бумажном носителе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 2. С. 130.

² Коровкин Д. С., Чернушенко Н. В. Понятие и предмет судебного почерковедения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2 (74). С. 136—138.

(создания фальшивого документа или внесения изменений в существующий в корыстных целях).

Истоками почерковедения можно считать судебную практику XV—XVI вв. по делам о подделке юридических документов (в частности, купчих грамот). Именно она (судебная практика) подтолкнула к глубокому изучению почерковедения как науки. А обобщение накопленного опыта вполне может способствовать разработке теоретических, методологических и технических проблем.

Несомненно, коль скоро речь идет о становлении, то важными аспектами становятся хронологическая последовательность, определяемая периодизацией, а также выявление традиций, сложившихся в процессе эволюции исследовательских практик.

Любое научное знание имеет свой предмет, объект, методы исследования. В основу почерковедения положено письмо (знаковая система фиксации речи). Именно письмо позволило человеку передавать свои мысли и знания другим, оформлять свои чувства и желания. Письмо (с момента своего появления) выступает не только средством общения, но и бесценной возможностью накопления, хранения и передачи знаний, способной пройти сквозь пространство и время. Письмо в его определяемой форме (более-менее упорядоченной), возникло примерно 5—6 тыс. лет назад, и ныне история разделов филологической науки, изучающих письмо, весьма обширна.

Прежде всего важно четко выделить, что в качестве объекта исследования будет выступать письмо, состоящее из письменной речи и почерка, который, в свою очередь, делится на текст и краткие записи и, соответственно, подписи, или рукописный текст, но только имеющий юридически значимый характер.

На ранних этапах развития общества и письменности (XIV в.) с юридической точки зрения происходит фиксация главным образом договорных отношений. Здесь в качестве основы, или предмета, исследования выступают источники права и судебная практика:

- Псковская судная грамота, которая закрепляет обязательную письменную форму для отдельных договоров;
- акты, относящиеся до юридического быта древней России (1838 г.)³. Акты касаются в основном частных дел, их многочисленность и разнообразие свидетельствуют об их значимости в Древней Руси и позволяют нам на конкретных примерах судебной практики точно определить, когда именно появляются предпосылки почерковедения. Кроме того, они дают возможность наглядным образом изучать процедуру производства по делу того периода, понятия о

³ Сбор материалов осуществлялся Археографической комиссией не только из библиотек (Публичной и Академии наук в Санкт-Петербурге, Московской синодальной), из Государственного архива старых дел, из Московского Главного архива Министерства иностранных дел, но и из множества фамильных архивов (А. С. Танеева, А. С. Уварова, С. Д. Дохтурова, К. Д. Кавелина, Н. Г. Головин и др.). В Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией (1841 г.), вошли события, описанные такими летописцами, как Нестор, игумен Даниил, Дорофей Турский, Епифания, Георгий, Радован, Евсевия Панфила, Павел Самосатине, Патерик Печерский и др.

праве, юридические приемы и способы, применяемые по делу в то время, а также оценивать соотношение требований законодательства и практики.

Так, уже в XV в. определяется переход от фиксации (рукописания) текста (обычного составления письменного документа, соответствующего упомянутой Псковской судной грамоте) к составлению несуществующего документа с целью получения каких-либо благ. Например, датированная 1485 годом правая грамота по спорному делу между Ферапонтовым монастырем и крестьянами Южной волости о пустошах, где от Великого князя Всея Руси судили судьи Михаил Дмитриевич, сын Шапкина; Иван Голова, Семенов сын; Захар, Микулин сын. От монастыря — старец Кирил, а от крестьян Южной (Южские) волости — Салтык да Висл, дети Трушневы. После исследования грамот да показаний послухов Кирила обвинили, поскольку представил несуществующую грамоту, а пустоши в Южной волости присудили крестьянам⁴.

В самом начале XVI в. уже появляется первый метод зарождавшегося почерковедения: сличение (сравнительное исследование образцов почерка, осуществляемое дьяками с учетом давности, внешнего вида и реквизитов документа), которое также сопровождается свидетельством послухов. Сличение осуществлялось дьяками, поскольку именно они обладали специальными знаниями об элементарных навыках письма.

Рассмотрим это подробнее на примерах судебной практики.

Первое дело: 15 апреля 1508 г. от великого князя Василия Ивановича Всея Руси судил Дмитрий Владимирович дело об отчуждении от княгини Анны Кемской (супруги покойного Федора, дяди Даниила и Давида) села Гридинского с деревнями в пользу князей Даниила и Давида Кемских. Суть дела: Князь Федор Кемский при жизни продал «свою отчину, Кодобои, селцо Гридинское, с деревнями (Починок, Тонково, Билбьякино, Трофимово, Высокое, Наливкино) и с пустоши (Патрекеево, Кузнецово, Погорелое, Тропино) с лесы и с пожнями» и купчую составил собственноручно при послухах (свидетелях) князе Иване Давыдовиче и князе Афонасеи Давыдовиче.

Факт продажи княгиня Анна отрицала, в суде от нее выступал ее человек Тимошка, который заявлял, что князь Федор тех сел не продавал, а «купчая лживая, не княж Федорова рука». На что судья (Дмитрий Владимирович) велел сторонам послухов привести, поскольку князь Иван помер. А князь Афонасей прислал своего человека Оладью с запиской (с печатью), в которой подтверждал, что Федор писал купчую собственноручно, да отправил деловую грамоту, также написанную рукою Федора, отмечая: «и будеть, господине, та грамота съ тою купчею одна рука, и мы, господине, в той купчей послуси». Помимо деловой грамоты, была представлена купчая, написанная князем Иваном (для подтверждения его подписи).

От княгини Анны Тимошка тоже представил «запись руки Федора». Все документы были переданы великого князя дьякам: «И диаки смотрив сказали, что та купчаа и деловая и запись, все трое рука одна». (После чего судья сообщил великому князю Василию Ивановичу Всея Руси, который при боярах своих

⁴ Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. СПб., 1838. С. 4—7.

присудил князьям Даниилу и Давыду их землю согласно купчей, а княгиню Анну велел обвинить.⁵⁾

Второе дело: 13 августа 1547 г. судил великий князь Иван Васильевич всея Руси по спору о половине села Граворонова, заложенной Ивану Шереметеву князем Андреем Ноздроватым. Суть дела: Иван Васильевич Шереметев рассказал о том, что князь Андрей Петрович Ноздроватый заложил ему (Шереметеву) отчину свою половину села Граворон в кабалу «в полутретьесте рублех» (250 рублей) в Коломенском уезде на реке Коломне. А нынче князья Юрий и Василий Токмаковы «на подворье у себя нарежают (наряжают) съ подпизыки кабалы выкупные и записи нарядные, что будто у меня ту половину села Граворон выкупили, а они, Государь, мне денег за ту отчину не плачивали и кабалы не выимывали: та, Государь, кабала, по которой яз живу в том селе, и сегодня у меня...»^{6).}

Затем человек Шереметева Олешка с приставом и недельщиками направился к Токмаковым и при участии понятых был обнаружен Власко (Иванович), в изголовье которого лежало письмо и в ногах чернила да фляга вина. Олешка с понятыми письмо изъяли и доставили на суд. В процессе судебного следствия было установлено (путем привлечения свидетелей), что Власко является вором и «подпизык», да и в пытках он признался, что он кабалу (обнаруженную Олешкой) писал. Упуская иные подробности дела, отметим, что в итоге подделка купчей была доказана множеством свидетельских показаний и исследованием письменных документов (купчих), соответственно, Шереметев получил правую грамоту, а Токмаковы и Ноздроватый обвинены с выплатой всех судебных пошлин.

В середине XVI в. и далее происходит юридическое оформление данного явления, и в законодательстве появляется ст. 59 Судебника 1550 г., в которой выделяется такой вид должностного преступления, как «подписка» — подделка письменного документа). И это не случайно, на примерах видно, что такая необходимость сформировалась и была продиктована практикой.

В Соборном уложении 1649 года в главе IV «О подпизыках, и которые печати подделывают» наблюдается расширение возможностей преступников — речь идет о подделке не только документов, но и печатей. Именной Указ от 6 марта 1699 г. «О порядке исследования подписей на крепостных актах в случае возникшего о подлинности оных спора или сомнения, о писании крепостей в поместных и вотчинных делах в поместном приказе, а не на Ивановской площади и о потребном числе свидетелей для крепостных актов»⁷⁾ предписывал, что при возникновении спора и челобитных о лживых крепостях они подлежат рассмотрению в Поместном приказе, где розыск и свидетельство возможны только приказными (служащими Поместного приказа) дьяками и подьячими, а не площадными подьячими, как было предписано в Уложении и новоуказных статьях по спорному челобитью по купчим, по закладным и по записям. А равно следовало писать купчие, закладные, поступные, сделочные и всякие крепости в Поместном приказе, да вместо

⁵⁾ Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. С. 25—27.

⁶⁾ Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб. : Изд-во Императорской академии наук, 1857. Т. 1. № 52. С. 192—214.

⁷⁾ Полное собрание законов Российской империи. Т. 3. № 1732. С. 678—679.

послухов должны быть свидетели (люди добрые и знатные в больших делах), причем количество зависит от суммы: иск на 100 и 200 рублей — 2—3 свидетеля, свыше — 3, 4, 5 и более.

Все свидетели подписывают документ, а дьяк, помимо этого, делает запись в специальную книгу (где все по сделке описывает). Указ устанавливает сроки для оформления в разрядах и воеводами. Можно сказать, что так предпринимается попытка детально регламентировать процедуру заключения какой-либо сделки во избежание подделок письменных документов.

Таким образом, краткий анализ судебной практики и формирования нормативно-правовой базы во второй половине XVI и XVII в. позволяет определить в почерковедении донаучный или интуитивно-практический период, продолжавшийся до конца XIX в., где сличение как метод сохраняется, но уже вызывает сомнения и осуществляется более широким кругом сведущих лиц (учителями, типографами и др.). Все это предшествовало становлению научной мысли в почерковедении.

Впервые термин «почерковедение» и почерковедение как наука были сформулированы и подробнейшим образом проанализированы Евгением Федоровичем Буринским в его исследовании «Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею: пособие для судей, судебных следователей, лиц прокурорского надзора, поверенных, защитников, судебных врачей и графических экспертов». Определяя неразрывную связь человека с его почерком, отмечал, что почерковедение должно стать «одной из отраслей антропологии»⁸.

Евгений Федорович, исследуя признаки индивидуальности почерка, предпринимал попытки определения места почерковедения в системе знания: «Этой отрасли знания суждено, без всякого сомнения, сделаться когда-нибудь одной из важнейших отраслей антропологии, не менее важной, по крайней мере, чем антропометрия, с которой почерковедение тесно связано»⁹.

Учитывая, что арсенал (т.е. данные и материалы) почерковедения, характеризуются точностью и измеряемостью, то оно (почерковедение) претендует на доказуемость как элемент обоснования научности, ведь наука служит решению прикладных проблем. К задачам почерковедения Е. Ф. Буринский относит обнаружение взаимодействия «между деятельностью органов, производящих письмо» и результатом этой деятельности — почерком.

Почерковедение, по его мнению, имеет больше прав называться наукой, нежели многие другие знания, признанные как научные. Опираясь на примеры процесса становления таких наук, как астрономия, химия, физиология, психиатрия, невропатология, статистика, и анализируя Миттермайера, Гете, Лафатера, он с совершенной очевидностью приходит к разграничению психографологии (которая рассматривается с конца, т.е. сначала изучается результат, поэтому и не достигает своей цели) и почерковедения — физиографологии (в которой сначала изучается

⁸ Буринский Е. Ф. Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею : пособие для гг. судей, судеб. следователей, лиц прокурор. надзора, поверенных, защитников, судеб. врачей и граф. экспертов. СПб. : Типография СПб. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1903. С. 177.

⁹ Буринский Е. Ф. Указ. соч. С. 177.

механизм письменно-двигательного аппарата, происхождение письменной речи и происходит анализ отображения этого аппарата в «акте писания»)¹⁰.

В обоснование своей позиции Е. Ф. Буринский выделял следующие признаки почерка:

- наследственность — акцентируется внимание на то, что в истории развития нормальных и патологических особенностей человека наследственность имеет, по общему убеждению антропологов, главенствующее значение: «Передача путем наследственности нормальных и аномальных особенностей как соматического, так и психического характера должна находить свое графическое выражение в почерке, который всецело зависит от этих особенностей и ими совершенно определяется, в чем легко убедиться даже при поверхностном знакомстве с произведенными уже точнейшими исследованиями механики письма»¹¹;
- врачебно-диагностическое значение почерка — наличие взаимосвязи между нервно-мозговыми заболеваниями и нарушениями обычного вида почерка. Вместе с тем здесь наблюдается проблема: исследования подобного рода должны носить клинический характер, однако большое количество поступающих больных безграмотны, с одной стороны, а с другой — и сами врачи, будучи образованными, не стремятся к исследовательским выводам... Вероятно, выделяя такой признак, автор предполагал возможность системного анализа и наблюдения изменений почерка в зависимости от конкретного заболевания. Выявление какой-либо закономерности могло бы дать материал для определенных умозаключений и обнаружения взаимозависимостей;
- компетентность лиц, привлекаемых к производству исследования почерка — ошибочность действий судебных органов в том, что они не привлекают судебных врачей к графической экспертизе. У юристов нет математической и естественно-научной подготовки, в связи с чем они боятся заключений экспертов, над которыми нужно думать и которые «требуется уразумевать». Е. Ф. Буринский подчеркивал: «Очевиднейшая нелепость — привлечение учителей чистописания или типографов к исследованию болезненных почерков, нелепость, очень хорошо сознаваемая самими следователями и судьями, не мешает и до сих пор держаться этого дикого обычая ради его удобства в отношении формальном»¹²;
- историческая значимость — исследование древних и древнейших документов. Е. Ф. Буринский, ссылаясь на доктора Кервалаля, утверждал: «Раскопки в почерках дадут не меньше исторического материала, чем раскопки в курганах»¹³. Он лично провел комплексное исследование, в результате которого восстановил текст документа XIV в.¹⁴ Безусловно, здесь приоритетное

¹⁰ Буринский Е. Ф. Указ. соч. С. 182.

¹¹ Буринский Е. Ф. Указ. соч. С. 182—183.

¹² Буринский Е. Ф. Указ. соч. С. 184—185.

¹³ Буринский Е. Ф. Указ. соч. С. 185.

¹⁴ Кругляк С. А. Роль Е. Ф. Буринского в становлении и развитии отечественного технико-криминалистического исследования документов // Энциклопедия судебной экспертизы. 2013. № 2. С. 5—20.

значение имел именно метод цветоделения фотографического снимка, но именно «фотография» легла в основу всех последующих методов исследований почерка.

Рассмотренные признаки, вероятно, носят весьма условный характер, и с современной точки зрения являются несколько наивными, однако они с абсолютной очевидностью показывают, что почерковедение нуждается в научном осмыслении, рефлексии и специальной подготовке в рамках образования. Наглядно то, что врачи, педагоги, антропологи, археологи и представители других профессий занимаются почерком (в конце XIX в.) лишь для решения задач, определенных их специальностью. «Чем глубже зарываешься в эту работу, тем больше убеждаешься, что в почерке — весь человек, со всеми его физическими и духовными свойствами. Трудно поверить, между одним из элементов почерка и кривизной носа пишущего или постановкой его ушей существует вполне определенная связь, и притом такая, какая может быть выражена математической функцией, математическими знаками!»¹⁵

Е. Ф. Буринский в 1901 и 1902 гг. ездил в Германию, Францию, Бельгию, Австрию и Италию и лично убедился, что судебная экспертиза документов находится в этих странах на том уровне, на каком она была в России до 1889 г. Как в начале, так и в завершении главы «Почерковедение как наука» он с глубоким сожалением констатирует факт отсутствия монографий, статей (за исключением газетных и журнальных очерков) и сочинений, которые можно было бы признать попыткой сбора и систематизации материалов по почерковедению. Напротив, отдельные ученые, среди которых, например, Эдуард Озенбрюгген (русский и швейцарский ученый, профессор Дерптского университета, профессор и ректор Цюрихского университета, доктор философии)¹⁶, высказывались о высокой степени осторожного отношения к «сличению почерков». Так, в статье «О сличении почерков» профессор Озенбрюгген отмечал, что сличение почерков не есть искусство или наука, оно «как это бывает при химических исследованиях, опираясь на твердые основания, могло бы дать неопровержимые результаты... оно должно быть употребляемо с величайшей осторожностью»¹⁷.

Таким образом, первое в России (да и в Европе) научное исследование в области почерковедения проведено в конце XIX — начале XX в. не ученым для своих современников, а фотографом, экспертом-практиком Евгением Федоровичем Буринским. Очень жаль, что ни научные труды («Судебная фотография» (1892), «Порядок проверки подлинности письменных актов при спорах о подлогах» (1892), «Записка об усовершенствованиях, доступных в фотографии» (1896), «Подделка почерка и симуляция подделки» (1898), «Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею» (1903), ни его экспертная деятельность не получили признания. Например, А. А. Громов, издавший в 1912 г. книгу «О судебной

¹⁵ Буринский Е. Ф. Указ. соч. С. 189.

¹⁶ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета за сто лет его существования (1802—1902). Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1902. Т. 1 / ред. Г. В. Левицкий. С. 524—527.

¹⁷ Озенбрюгген Э. О сличении почерков // Юридический вестник: издание Московского юридического общества. 1867—1868. Кн. 2. С. 83.

фотографии», вовсе не упоминал о работах Е. Ф. Буринского, а отмечал лишь заслуги А. Бертильона и других зарубежных криминалистов, благодаря которым «репутация фотографической экспертизы документов установилась прочно и результаты этой экспертизы были поразительны»¹⁸.

Евгений Федорович определял: «Наука о почерках находится еще в зачаточном состоянии и не получила до сего времени официального признания. Представитель этой отрасли знания лишен возможности ссылаться на положения, выработанные и установленные наукой, или опираться на мнения авторитетных ученых, как делают это, например, судебные медики»¹⁹, поэтому исходил из анализа сопричастных областей знания, но главным образом, медицины.

Можно сказать, что исторически наука почерковедение берет свое начало в первые годы XX столетия и связана с именем судебного фотографа, почетного члена Русского фотографического общества, судебного эксперта Е. Ф. Буринского, который, не имея особого или специального образования, а только лишь за счет самообразования и опыта практической деятельности достиг высокого уровня научной мысли. Анализ широкого круга работ российских и зарубежных авторов различных сфер знания: философии, антропологии, астрономии, химии, медицины и других — свидетельствует о высокообразованности, добросовестности трепетного исследователя Евгения Федоровича Буринского.

Почерковедение как наука, исторически сложившаяся из судебной практики система знаний, применяется с целью установления истины по юридическому делу, где объектом выступает «рукописание», имеющее свою графическую технику; с целью выявления закономерности формирования и изменчивости функционально-динамического комплекса навыков писца; ее методы и методики (от каллиграфических, инструментальных и иных) способны постоянно совершенствоваться, соответствуя развитию техник и технологий.

Поэтому в качестве критерия для периодизации представляется возможным применить именно техники анализа письма:

- начальный (интуитивный) (XV—XIX вв.), характеризуемый сличением внешних признаков; и
- с 1894 по 1917 г. — фотографический, характеризуемый математической точностью.

Руководствуясь общепризнанными критериями научности знания, такими как теоретическая обоснованность, предполагающая наличие предмета, объекта, методов и целей научного знания; системность, проявляющаяся в системе знаний и наличии взаимосвязанных между собой фактов; механизм получения новых знаний, который кроется в развитии техники и технологиях исследования; рациональность и логика исследования и, наконец, возможность проведения исследовательских экспериментов, мы приходим к выводу о состоятельности почерковедения как науки.

¹⁸ Громов А. А. О судебной фотографии: краткое руководство для чинов полиции и следственных властей, сост. по лекциям проф. Лозанск. ун-та Р. Рейса. СПб. : Тип. М. Меркушева, 1912. С. 8.

¹⁹ Буринский Е. Ф. Указ. соч. С. 20.

Определение и восприятие почерковедения как науки столь же важно, как и понимание почерковедения как вида деятельности, ибо без науки нет прогресса, а значит, нет и самой жизни. Развитие необходимых техник и технологий — важнейшая задача современной науки почерковедения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. — СПб. : Изд-во: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1838. — 509 с.
2. Акты, относящиеся до юридического быта древней России. — СПб. : Изд-во Императорской академии наук, 1857. — Т. 1.
3. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования (1802—1902). — Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1902. — Т. 1 / ред. Г. В. Левицкий. — 674 с.
4. *Буринский Е. Ф.* Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею: пособие для гг. судей, судеб. следователей, лиц прокурор. надзора, поверенных, защитников, судеб. врачей и граф. экспертов. — СПб. : Типография СПб. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1903. — 352 с.
5. *Громов А. А.* О судебной фотографии: краткое руководство для чинов полиции и следственных властей, сост. по лекциям проф. Лозанск. ун-та Р. Рейса. — СПб. : Тип. М. Меркушева, 1912. — 52 с.
6. *Жижина М. В.* Тактико-методические основы следственного осмотра и назначения экспертизы в отношении документа на бумажном носителе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 2. — С. 124—131.
7. *Коровкин Д. С., Чернушенко Н. В.* Понятие и предмет судебного почерковедения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2017. — № 2 (74). С. 136—139.
8. *Кругляк С. А. Роль Е. Ф. Буринского* в становлении и развитии отечественного технико-криминалистического исследования документов // Энциклопедия судебной экспертизы. — 2013. — № 2. — С. 5—20.
9. *Озенбрюгген Э.* О сличении почерков // Юридический вестник: издание Московского юридического общества. — 1867—1868. — Кн. 2.

